

Марго Сьюрсен 7 октября 2010

Дмитрий Хворостовский: Нужно стать отцом, чтобы правдиво петь Риголетто

Накануне премьеры «Риголетто» на сцене Ковент-Гардена Дмитрий Хворостовский испугал корреспондента проекта «Сноб» гримом мстительного старика

Флоранс, жена Дмитрия Хворостовского, ведет меня в гримерную через лабиринты закулисья Ковент-Гардена. Я захожу вслед за ней и вижу старого, страшного человека: осунувшееся лицо в синяках и шрамах, мешки под глазами, недобрый взгляд из-под густых черных бровей, слипшиеся седые волосы. На нем черные кожаные брюки, к спине прикреплено что-то вроде большой черной подушки. Он стоит перед зеркалом и издает громкие, странные звуки. Вдруг он поворачивается и знакомым голосом говорит:

— Здравствуйте, Марго. Вы похудели!

Еще не совсем оправившись от шока, я понимаю, что страшный старец — это загримированный Хворостовский, подушка на спине — горб Риголетто, а странные звуки — распевка перед выходом на сцену.

— Здравствуйте, Дмитрий. А вы похорошели! — после нескольких секунд замешательства нахожу слова, чтобы ответить певцу.

Хворостовский и Флоранс смеются, а я принимаюсь рассматривать шутовскую шапку с шипами, которая лежит у зеркала — мне нужна еще пара секунд, чтобы прийти в себя. Успокоившись, говорю:

— Дмитрий, эта роль, пожалуй, одна из немногих, где вы играете...

— Не самого себя? — смеется Хворостовский. — Образ Риголетто завораживал и пленял меня с самого начала моей карьеры, уже больше двадцати лет. Еще со студенческой скамьи я пытался петь какие-то куски из этой оперы. Мне не разрешали, говорили, что это слишком большая драматическая роль для меня.

Впервые Хворостовский исполнил партию Риголетто в 2000 году в Москве. Он играл эту роль на многих сценах и говорит, что режиссура Дэвида Маквикара, который поставил «Риголетто» в Ковент-Гардене, ему особенно нравится.

— Мне кажется, в этой постановке все настолько гармонично! Она уносит тебя в то время, где море разврата и порока, в которое вовлекается герцог и весь его двор. И Риголетто, конечно, стоит практически во главе всего этого. Это одна сторона Риголетто. Другая сторона — это любящий отец, который дорожит своей дочкой как бесценной реликвией. И когда он теряет ее, он начинает мстить.

После рождения дочери роль Риголетто должна восприниматься особенно остро. Спрашиваю Хворостовского, как он справляется с эмоциями на сцене.

Эта роль не только эмоционально сложна, продолжает Хворостовский:

— Ты должен быть физически в очень хорошей форме, чтобы петь в полусогнутом состоянии, хромать. И с двумя палками, которые в этой постановке, перемещаться по сцене, прыгать, бегать. Это, конечно, накладывает особый отпечаток на пение. Когда ты суетишься и бегаешь по сцене, нужно иметь достаточно большое мастерство, чтобы хранить свою диафрагму нетронутой. Все, пора одеваться!

Тут же откуда-то возникает работник Ковент-гардена с черной кожаной курткой в руках и помогает Хворостовскому ее надеть — с горбом это не так-то просто.

— Ему, конечно, трудно в этом костюме, — рассказывает Флоранс, пока мы идем от гримерной в зрительный зал. — Столько нужно хромать — уже коленка болит.

Мне становится интересно, что испытывает Флоранс, когда видит своего мужа в страшном образе Риголетто.

— Когда пять лет назад Дима впервые пел Риголетто в постановке Дэвида Маквикара, это был шок — видеть его в этом гриме. Сейчас уже привычнее.

Пока мы ждем начала репетиции, Флоранс вспоминает, как она нервничала во время первой постановки «Риголетто» в 2000 году, где она исполнила роль графини Чепрано.

— Переживала, наверное, больше не из-за себя, а из-за Димы. У меня там совсем маленькая роль была, — говорит она и тихо напевает мне партию графини. Тут гаснет свет, и начинается репетиция.

Из зала грим певца смотрится не так страшно: это уже Риголетто, а не Хворостовский, который так напугал меня в гримерной. Он уже рассказывал проекту «Сноб» о том, что все сценические репетиции с хором и оркестром в Ковент-Гардене обязательно проходят в костюмах и при полном гриме, чтобы артисты могли привыкнуть к своим образам. Чтобы загримировать Хворостовского, понадобилось больше сорока минут. Но на то, чтобы отрепетировать оперу до конца, времени не хватило. Как объяснила Флоранс, дело в театральных профсоюзах, которые строго следят за тем, чтобы репетиции продолжались не дольше определенного времени.